
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Woman in Russian Society

2018. No. 3. P. 121—132

DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.12

Женщина в российском обществе

2018. № 3. С. 121—132

ББК 60.723.4

DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.12

ПОЧЕМУ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАННИХ РОЖДЕНИЙ В РОССИИ НЕ ИМЕЕТ ПЕРСПЕКТИВ

Н. С. Смулянская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, nsmulya@mail.ru

Очевидные попытки правительства найти выход из демографического кризиса в стимулировании ранней рождаемости делают актуальным рассмотрение перспектив введения возможных пронаталистских мер для женщин младше 25 лет. На основании анализа результатов микропереписи населения 2015 г. и других данных Росстата был сделан вывод, что наиболее перспективной для стимулирования рождаемости является возрастная группа женщин 25—35 лет. В этой группе сохраняются высокие репродуктивные установки, которые в сочетании с наличием высшего или среднего профессионального образования и финансовой независимостью позволяют прогнозировать не только количественный рост численности населения, но и качественное увеличение человеческого капитала. Женщины старшей возрастной группы, несмотря на прогнозируемое увеличение их численности и серьезный рост показателей рождаемости в последние годы, существенно уступают женщинам остальных групп в соотношении ожидаемого и желаемого числа детей и меньше поддаются внешнему воздействию в вопросе деторождения. Наиболее молодые женщины сильнее других подвержены риску сдвига календаря рождений, что в больших масштабах может привести к усилению волнового характера численности населения страны.

Ключевые слова: демография, рождаемость, раннее материнство, демографическая политика, семейная политика.

WHY STIMULATION OF EARLY FERTILITY IN RUSSIA IS UNPROMISING

N. S. Smulyanskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, nsmulya@mail.ru

The obvious attempts by the government to find a way out of the demographic crisis in stimulating early fertility make it urgent to analyze the prospects for introducing possible prenatal measures for women younger than 25 years old. Based on the analysis of the results

of the micro-census of 2015 and on other data from Rosstat (Federal State Statistics Service), it was concluded that the most promising for stimulating fertility is a group of women aged 25—35. In this group, high reproductive attitudes combined with the availability of proper education and financial independence, make it possible to predict not only a quantitative growth in the population, but also a qualitative increase in human capital. The older age group, despite the projected increase of this population and a serious rise in fertility rates in recent years, is significantly inferior to the rest of the groups in the ratio of the expected and desired number of children and less than others are exposed to external influences in the issue of procreation. The youngest women are more likely than others to shift the calendar of births instead of actually increasing the average number of children in the family, which on a large scale can lead to an increase in the country's population wave character. There is also a fear that, due to insufficient social and economic stability, an increase in the birth rate in this group may lead to an increase in poverty. In addition, the experience of stimulating policies in the mid-00's did not lead to growth in the birth rate in this age group. All this calls into question the prospects of stimulating early fertility, especially if the priority is not only quantitative indicators, but also the level of well-being, and the level of human capital.

Key words: demography, fertility, early motherhood, demographic policy, family policy.

Введение

В конце 2017 г. в рамках государственной демографической политики появилось нововведение: Президент РФ выдвинул инициативу стимулировать первые рождения. Наряду с этим направлением всегда рассматривают и стимулирование ранних рождений. В ходе прямой линии В. В. Путин, помимо прочего, отметил: «Нужно подумать о том, как стимулировать рождение первого ребенка у молодых мам...» [Путин ответил..., 2017]. Оглашалось предложение дополнительного поощрения женщин, которые родили двух детей до 30 лет. В ряде регионов разрабатываются меры по стимулированию ранней рождаемости. Например, в Ивановской области введена региональная выплата при рождении первого ребенка до 24 лет (правда, на практике мера имеет ряд ограничений) [Рождаемость первых детей..., 2017]. Выдвигалось также предложение оказания помощи в погашении ипотеки при рождении ребенка до 23 лет. Неоднородный характер данных публикаций с большой долей вероятности говорит о том, что объектом дальнейшей демографической политики в нашей стране будут именно молодые женщины. По этой причине актуальна идея сравнения молодых женщин с женщинами других возрастных групп с точки зрения перспектив стимулирования у них рождаемости.

Исследователи в развивающихся странах часто приходили к выводу, что ранняя рождаемость снижает человеческий капитал матери и ребенка. Но может быть, стимулирование ранней рождаемости эффективно для государства? Мировая демографическая теория и эмпирические исследования по проблемам человеческого капитала в основном свидетельствуют, что раннее материнство приводит к бедности молодую мать и ее семью (а значит, потерям человеческого капитала в будущем) и связано с дополнительным социальным бременем для государства, особенно если речь идет о матерях, не получивших высшего образования [Moore, Wertheimer, 1984; Shearer, 2002]. При сопоставлении выгод от раннего

материнства и затрат на социальную поддержку получается, что затраты превышают выгоды [Hofferth et al., 2001]. По причине того что в более развитых странах раннее материнство до сих пор не рассматривалось в качестве существенного направления демографической политики, не найдено работ, анализирующих потенциальный эффект от ввода соответствующих мер, а также их влияние на изменение уровня человеческого капитала и общего благосостояния населения. Возможно, политика поддержки молодых матерей оправдана, если сами женщины расположены рожать в более раннем возрасте.

Используя данные текущей статистики и микропереписи населения, проведенной Росстатом в 2015 г., оценим демографический потенциал ранних рождений в современной России по сравнению с потенциалом повышения рождаемости у женщин старше 25 лет. В качестве основного источника применяются результаты микропереписи населения 2015 г. с наличием вопросов относительно демографических установок. Кроме этого, в работе используются прогнозные значения численности населения до 2036 г.

Возрастной профиль рождаемости в современной России

При анализе стимулирования рождаемости у матерей в раннем возрасте необходимо уточнить рассматриваемые возрастные рамки. В разных социальных программах поддержка молодых семей ограничивается 30—35-летним возрастом супругов. В условиях постарения рождаемости в развитых странах средний возраст матери при рождении первого ребенка сдвинулся с 23—25 до 30 лет. Для понятия ранней рождаемости мы поставим в качестве возрастного ограничения 25 лет.

Постарение рождаемости связано с активным вовлечением женщин в систему высшего образования, модернизацией общества. Если проанализировать стандартный жизненный цикл современной женщины, то увидим, что он выглядит следующим образом: школа, учеба в вузе или другом заведении (до 21—23 лет), работа или сочетание дальнейшей учебы с работой. Первое рождение ребенка происходит ближе к 30 годам.

Средний возраст матери при рождении детей в России в 2006 г. составлял 26,6 года, в 2016 г. — 28,4 года, первого ребенка — 25,7 года. В целом возраст 26—35 лет у женщин является ключевым с точки зрения деторождения. В 2016 г. в России 60 % рождений приходилось на этот возраст матерей. Кроме того, самые стабильные и высокие темпы роста возрастных коэффициентов рождаемости на протяжении последних 10 лет наблюдались в группе 36—45 лет. Так, по сравнению с показателями 2006 г. они выросли в группе 35—50 лет в 2—3 раза, в группе 25—35 лет в 1,5 раза. Значения для более молодых возрастов остались без изменений, несмотря на активную демографическую политику. Основную вклад в рождаемость сегодня вносят женщины средних репродуктивных групп, а ее основной прирост наблюдается у женщин старших групп. Это значит, что политика стимулирования ранних рождений направлена против сложившихся тенденций.

Проанализируем социально-экономические характеристики и демографические установки женщин различных возрастных групп, чтобы оценить перспективу стимулирования ранних рождений.

**Социально-экономические характеристики
женщин различных возрастных групп**

На основе данных микропереписи населения в табл. 1 представлены социально-экономические характеристики женщин различных возрастных групп.

Таблица 1

**Доля женщин с благоприятными социальными
и экономическими характеристиками, %¹**

Характеристика	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Находятся в браке (зарегистрированном или незарегистрированном)	40	70	70
Имеют доход от трудовой деятельности или личного подсобного хозяйства	50	76	85
Имеют среднее профессиональное или высшее образование	55	80	79
Сочетают все три параметра	16	42	48

Предположим, что наиболее благоприятными социально-экономическими условиями для рождения и воспитания детей с точки зрения обеспечения высокого человеческого капитала будущего ребенка является среднее профессиональное или высшее образование, стабильный доход и наличие партнера у матери. При данных характеристиках меньше вероятность того, что будущая семья будет нуждаться в государственной или иного вида помощи. Значимым фактором должно являться также наличие собственной жилой площади и аналогичные характеристики партнера, но из данных микропереписи эту информацию, к сожалению, почерпнуть нельзя.

Есть опасение, что при отсутствии стабильного дохода и должного образования (а после рождения ребенка получить высшее образование существенно сложнее [Hofferth et al., 2001]) семья попадет в так называемую ловушку бедности, поскольку у менее благополучных в плане образования и финансовой независимости родителей шансы предоставить своим детям условия для лучшей жизни очень малы. Если такие семьи будут составлять большинство, то благосостояние общества не только не вырастет, но и может снизиться. Есть вероятность, что в абсолютном выражении численность населения увеличится, однако вырастет ли его общий интеллектуальный и трудовой потенциал?

Если анализировать сочетание указанных факторов, то следует отметить, что только 16 % женщин в возрасте от 18 до 25 лет имеют благоприятные социальные условия для деторождения. В возрасте 25—35 лет этот показатель увеличивается до 42 %, а в возрасте 35—44 лет — до 48 %.

Безусловно, социально-экономическое положение женщины не связано напрямую с желанием иметь детей, а уж тем более с ее физической возможностью. Но при определении целевой группы для демографической или семейной политики оно должно учитываться, чтобы в дальнейшем росло экономическое благосостояние страны, а не ее социальные обязанности. И с этой точки зрения наиболее благоприятной группой являются женщины после 35 лет.

¹ Табл. 1—4 составлены автором на основе данных Росстата по итогам микропереписи населения 2015 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 12.06.2017).

Кроме того, в ряде развитых стран в последние десятилетия наблюдается положительное влияние высшего образования на показатели рождаемости [Kravdal, 1992; Hoem, 1993; Oláh, 1996; Köppen, 2006]. Особенно выражена такая взаимосвязь в государствах, в которых демографическая и семейная политика прежде всего направлены на стимулирование женщин к сочетанию работы и деторождения. К сожалению, в странах Центральной и Восточной Европы подобный феномен пока не наблюдается, очевидно, вследствие недостаточности таких мер и в целом более низкого уровня благосостояния населения [Koytcheva, 2006; Muresan, 2007; Oláh, 2003; Perelli-Harris, 2008].

Особенностью современной социальной модели также является изменение взаимозависимости женской занятости и рождаемости в развитых странах. Данная зависимость в последнее время стала положительной [Del Boca et al., 2005; Мосакова, 2008]. Это значит, что в странах с высокой долей образованных и занятых женщин (какой, например, является Россия) можно повысить уровень рождаемости при согласовании рабочего и семейного графика занятости женщины.

Демографические установки женщин разных возрастных групп

При принятии демографических решений, помимо социально-экономических факторов, следует учитывать репродуктивные установки женщин. Более того, важно понимать, насколько расходятся у них ожидаемое число детей (планируемое) и желаемое (сколько детей хотели бы иметь при наличии необходимых условий).

Следует особо подчеркнуть, что в рамках данного исследования реальный эффект от демографической политики как раз ограничивается ожидаемым (снизу) и желаемым (сверху) числом детей. Если женщина рождает детей столько (или меньше), сколько планирует, то это говорит о том, что внешние факторы не повлияли (или повлияли негативно) на ее демографические планы. Если у женщины детей больше, чем она хотела бы иметь при наличии всех необходимых условий, то скорее всего это связано с субъективными особенностями планирования семьи, а не вызвано внешними мерами.

Сравнение числа детей, рожденных в разных возрастных группах, не имеет смысла, так как по естественным причинам этот параметр будет увеличиваться с возрастом женщин. С другой стороны, показатели желаемого и ожидаемого числа детей дают нам информацию о том, что репродуктивные установки на большее число детей имеют женщины 26—35 лет. В старшей же группе данный параметр снижается. Причина этого скорее всего заключается не в отсутствии мотивации к рождению большего числа детей, а в более реальном сопоставлении своих желаний и физиологических возможностей. В пользу более трезвого оценивания своих возможностей говорит и наименьший разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей у женщин старшей возрастной группы.

Таблица 2

Средневзвешенное ожидаемое и желаемое число детей в различных возрастных группах

Средневзвешенное число детей	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Ожидаемое	1,57	1,77	1,73
Желаемое	1,81	1,97	1,84

Если говорить о группе 18—25 лет, то нужно отметить: репродуктивные установки женщин на небольшое число детей в совокупности с пониманием того, что они имеют достаточно длительный горизонт планирования, делают эту группу менее восприимчивой к мерам стимулирования рождаемости.

Восприятие мер демографической политики женщинами разных возрастных групп

Анализ восприятия женщинами мер демографической политики показал, что более высокие оценки получает прямая материальная помощь (табл. 3, оценка производилась по пятибалльной шкале). И с этой точки зрения текущая политика, делающая основной упор на блок экономических мер, соответствует женским предпочтениям. Проблема заключается в том, что к экономическим мерам привыкают и в случае длительного применения они обесцениваются. А если объем таких мер достаточно велик, то в результате отказа от них может наблюдаться обратный эффект. Нечто подобное сейчас происходит с материнским (семейным) капиталом. Он уже принимается будущими мамами как что-то должное. А его отмена грозит стать причиной существенного сокращения рождаемости. Косвенные и нефинансовые меры имеют меньшую поддержку. Такой расклад оценок скорее всего, к сожалению, говорит о бедности женщин и неуверенности в своем финансовом положении. В этих условиях низкий уровень удовлетворения первичных потребностей для них остается главным препятствием на пути создания семьи с желаемым числом детей.

Таблица 3

Средняя оценка степени влияния демографических мер на рождаемость

Показатель	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Получение федерального материнского капитала	4,61	4,53	4,45
Получение беспроцентной ссуды на покупку жилья при рождении второго или последующего ребенка	4,54	4,53	4,43
Получение материнского (семейного) капитала, установленного в регионе	4,50	4,47	4,38
Повышение уровня жизни семьи	4,49	4,49	4,47
Получение ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет	4,46	4,42	4,32
Возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях	4,38	4,35	4,21
Получение ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка	4,19	4,19	4,09
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков	4,11	4,07	3,93
Предоставление налоговых льгот работающим родителям	4,10	4,09	4,03
Возможность иметь гибкий график работы	3,99	3,97	3,89
Изменение личных обстоятельств	3,83	3,74	3,74
Возможность профессиональной подготовки в период отпуска по уходу за ребенком	3,75	3,65	3,52

Стоит добавить, что даже если женщины высоко оценивают определенные экономические меры, это еще не значит, что при вводе таких мер реально изменятся их репродуктивные установки.

Анализ показал, что женщины разных возрастных групп примерно одинаково оценили различные меры демографической политики. Единственной особенностью можно считать то, что с возрастом оценки одной и той же меры снижаются. Причина этого скорее всего заключается в том, что принятие демографических решений с возрастом меньше зависит от внешней поддержки, а осуществляется семьей независимо с учетом ее возможностей и текущего положения. В целом же, принимая во внимание практически равнозначные оценки разных мер демографической политики, сложно сказать, какая из возрастных групп женщин сильнее реагирует на ту или иную меру.

Таким образом, социально-экономические характеристики говорят не в пользу молодых матерей как перспективных родителей с точки зрения вложения в человеческий капитал детей. Приоритет особых мер в контексте заданных вопросов молодые женщины не демонстрируют.

Повышение рождаемости или сдвиг календаря рождений в реальных поколениях

Неблагоприятным результатом серьезного стимулирования рождаемости может быть сдвиг календаря рождений вместо реального увеличения их интенсивности. Такой сдвиг через некоторое время способен привести к усилению перекоса в возрастной структуре рождаемости, последствия которого могут наблюдаться на протяжении жизни не одного поколения. Например, до сих пор у Минэкономразвития есть предположение, что ввод материнского капитала обусловил не реальный рост числа детей в семье (сверх ожидаемого показателя), а сдвиг календаря рождений. Другие специалисты менее категоричны. Например, Е. И. Иванова констатирует влияние материнского капитала на интенсивность вторых рождений, правда только в отношении 25 % [Иванова, 2010]. Ф. Слонимчик и А. В. Юрко выявили влияние материнского капитала на 15 % рождений [Slonimczyk, Yurko, 2014].

Риск сдвига календаря рождений более опасен для женщин младшей возрастной группы, в которой большинство желаемых деторождений еще не реализованы и даже не самое значительное улучшение внешних условий может привести к данной реализации. Но в тот момент, когда все желаемые деторождения совершены, практически невозможно повлиять на демографическое решение женщины с помощью внешних факторов.

Прогноз численности матерей разных возрастных групп

Если измерять результативность демографической политики абсолютными значениями, то потенциал ее определяется абсолютным приростом рождений, обусловленных мерами принятой политики.

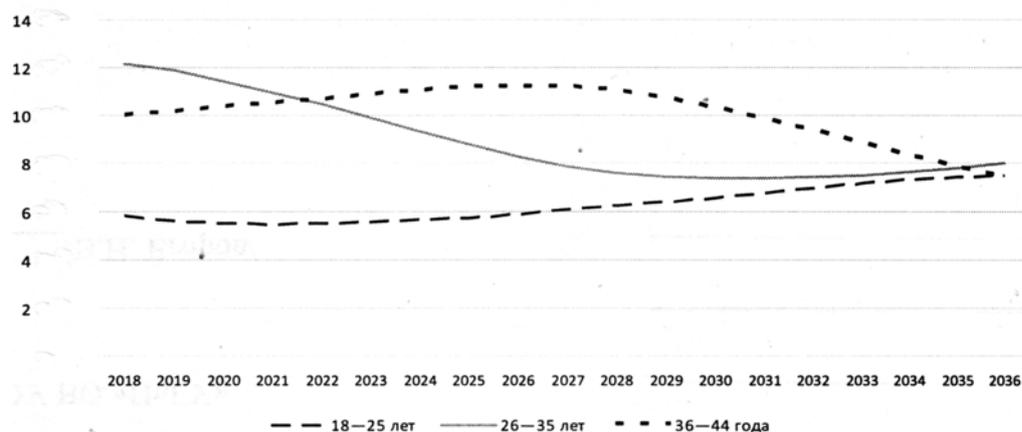

Рис. 1. Прогноз численности женщин различных возрастных групп, млн чел.²

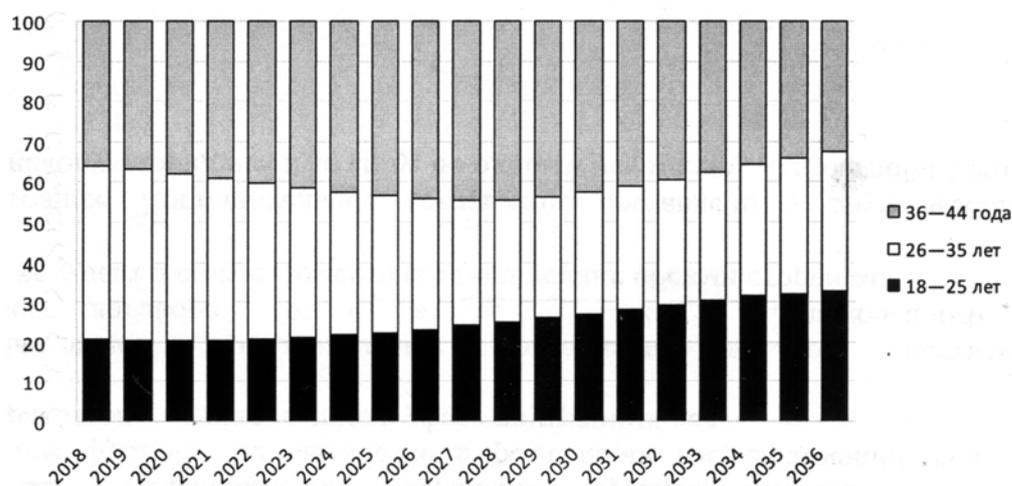

Рис. 2. Доля женщин различных возрастных групп в общей численности фертильных женщин, %³

Из рис. 1 и 2 видно, что вплоть до 2027 г. прогнозируется рост численности женщин 36—44 лет и существенное снижение — 26—35 лет, а также постепенный, но не столь существенный рост числа наиболее молодых женщин на протяжении всего анализируемого периода. При этом к концу данного периода все три группы женщин достигнут примерно одинаковой численности. К сожалению, ожидается снижение численности женщин 18—44 лет в период 2018—2036 г. (составит 18 %). Кроме того, численность наиболее активной в плане деторождения группы тоже сократится более чем на 30 % к концу прогнозного периода. И этот факт действительно заставляет задуматься о новом взгляде на демографическую политику.

² URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 12.06.1017).

³ Там же.

В целом, если говорить о ближайшей перспективе, старшая группа женщин является более интересной для демографической политики, так как ее численность уже через три года превысит численность других возрастных групп и продолжит расти. На протяжении остального прогнозного периода численность женщин 36—44 лет будет выше численности женщин других возрастных групп. Средняя численность женщин старшей группы в данный период составит 10 млн (для сравнения: женщин 26—35 лет — 8,9 млн, женщин 18—25 лет — в среднем 6,3 млн).

Если измерить максимально возможный прирост населения, обусловленный реализацией мер демографической политики, как среднюю разницу между желаемым и ожидаемым числом детей у каждой женщины, которая хотела бы иметь больше детей, чем собирается, то получим значения, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Расчет максимально возможного прироста численности от стимулирования рождаемости

Показатель	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Разница между средним ожидаемым и желаемым числом детей	0,25	0,20	0,11
Средняя численность женщин, тыс. чел.	6 267	8 917	10 071
Доля женщин, желающих иметь больше детей, чем планируют, %	15,4	14,3	7,5
Максимальный потенциал рождений в результате реализации политики, тыс. чел.	241	255	83

Конечно, данная методология имеет часть неучтенных факторов, дифференцированных для разных возрастных групп, таких как неспособность женщины иметь детей, увеличивающаяся в старших возрастах, и др. В данном случае мы предполагаем, что доля таких факторов распределена в возрастных группах равномерно.

Таким образом, при условии, что за 19 лет женщины, которые хотят иметь больше детей, чем собираются, реализуют свой демографический потенциал, определяемый как разница между ожидаемым и желаемым числом детей, наибольшее возможное количество рождений придется на возрастную группу 26—35 лет.

Выводы

Результативность политики снижается, если не учитываются намерения населения, которое является ее объектом. Важен и выбор основной целевой группы (это экономит средства).

Измерение потенциала разных возрастных групп женщин для мер стимулирующей демографической политики зависит прежде всего от критериев ее эффективности. В данной работе таким критерием является число дополнительно

рожденных детей (которые не родились бы без благоприятных внешних факторов, вызванных мерами данной политики) в семьях с перспективой развития высокого уровня человеческого капитала детей. Результаты анализа показали, что в России в 2018—2036 гг. наиболее перспективной для реализации мер демографической политики является возрастная группа женщин 26—35 лет. В этой группе еще сохраняются установки на достаточно большое число детей, в результате чего максимально возможный эффект от действия внешних факторов выше, чем в остальных группах. В то же время сочетание благоприятных финансовых и социальных характеристик и прогнозируемая численность женщин данной группы ненамного уступают соответствующим показателям у женщин 36—44 лет.

Рождаемость среди женщин 35—45 лет растет большими темпами, чем в других группах, а число женщин данного возраста в будущие годы будет увеличиваться. Постепенно взгляд на стандартный жизненный цикл женщины изменится, а «молодым» матерям старше 35 лет может понадобиться государственная поддержка, но не экономического характера. Однако пока эта проблема не так остра: сегодня рождаемость в данной группе женщин еще не достигла того уровня, чтобы сделать ее основным объектом демографической политики.

Если говорить о наиболее молодых женщинах, то они все реже склонны реализовывать свои демографические установки в молодом возрасте. Несмотря на введение активных мер демографической политики в 2007 г., рождаемость у женщин 15—25 лет не повысилась. И даже если в силу существенных внешних действий число рождений в этом возрасте увеличится, есть опасение, что оно будет результатом сдвига календаря рождений, а не реального увеличения среднего числа детей на одну женщину. Кроме того, отсутствие у этой группы женщин финансовой независимости, завершеного образования и/или устойчивой занятости, а также постоянного партнера (вследствие постарения брачности) не может считаться благоприятным условием для рождения и воспитания детей.

Постарение рождаемости (приоритеты населения рожать в более позднем возрасте), отсутствие благоприятных социально-экономических характеристик и заниженные репродуктивные установки у молодых женщин, отсутствие у них особых приоритетов в мерах государственной поддержки, численное сокращение молодой возрастной группы в перспективе ставят под сомнение выгоду государственной демографической политики, направленной на омоложение рождаемости. В долгосрочном периоде это может привести к резкому снижению рождаемости и волновым колебаниям в числе рождений (сдвиг календаря рождений и компенсационный эффект после завершения политики), что является дополнительным вызовом социальной инфраструктуре [Калабихина, 2015].

Таким образом, даже не учитывая негативные последствия в отношении формирования человеческого капитала детей и повышенный риск бедности в случае стимулирования рождений у женщин, не завершивших свое становление в образовательной сфере или на рынке труда, мы предполагаем, что политика омоложения рождаемости не будет результативна по причине противоположных тенденций в рождаемости, заниженных репродуктивных намерений молодых женщин. Сохраняется также риск усиления волновых колебаний в числе рождений, что дестабилизирует социальную инфраструктуру.

Библиографический список

- В. Путин ответил на 68 вопросов // На линии. 2017. 15 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/15/o-chem-govoril-vladimir-putin-v-hode-priamoj-linii.html> (дата обращения: 10.12.2017).
- Иванова Е. И. Рождаемость в современной России: ожидаемый подъем или конъюнктурный сдвиг? // Научные труды / Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. 2010. № 8. С. 610—626.
- Калабихина И. Е. Демографическая волна рождений и будущие колебания численности населения в разных возрастных группах: вызовы для социальной политики // Экономические стратегии. 2015. № 2. С. 50—57.
- Мосакова Е. А. Занятость женщин и рождаемость в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2008. № 5. С. 3—20.
- Рождаемость первых детей у молодежи до 24 лет будут стимулировать материально. 2017. URL: https://ivteleradio.ru/video/2017/05/29/rozhdaemost_pervyh_detey_u_molodezhi_do_24 лет_budut_stimulirovat_materialno_ (дата обращения: 12.06.2017).
- Del Boca D., Pasqua S., Pronzato C. Employment and fertility in Italy, France and the UK // Labour. 2005. Vol. 19, № S1. P. 51—77.
- Hoem B. The compatibility of employment and childbearing in contemporary Sweden // Acta Sociologica. 1993. Vol. 36, iss. 2. P. 101—120.
- Hofferth S., Reid L., Mott F. The effects of early childbearing on schooling over time // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2001. Vol. 33, iss. 6. P. 39—46.
- Köppen K. Second births in western Germany and France // Demographic Research. 2006. Vol. 14. P. 295—330.
- Koytcheva E. Socio-Demographic Differences of Fertility and Union Formation in Bulgaria before and after the Start of the Societal Transition. Rostock: University of Rostock, 2006. 305 p.
- Kravdal Ø. The emergence of a positive relationship between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States // Population Studies. 1992. Vol. 46, № 3. P. 459—475.
- Moore A., Wertheimer R. Teenage childbearing and welfare: preventive and ameliorative strategies // Family Planning Perspectives. 1984. Vol. 16, № 1. P. 13—26.
- Muresan C. Educational Attainment and Second Births in Romania. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2007. 42 p.
- Oláh L. Sz. The impact of public policies on the second-birth rates in Sweden: a gender perspective // Stockholm Research Reports in Demography. 1996. Vol. 15. P. 96—112.
- Oláh L. Sz. Gendering fertility: second births in Sweden and Hungary // Population Research and Policy Review. 2003. Vol. 22, № 2. P. 171—200.
- Perelli-Harris B. Family formation in post-Soviet Ukraine: changing effects of education in a period of rapid social change // Social Forces. 2008. Vol. 87, № 2. P. 1—28.
- Shearer S. Childbearing and low cognitive ability // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2002. Vol. 34, iss. 5. P. 236—243.
- Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // Labour Economics. 2014. Vol. 30. P. 265—281.

References

- Del Boca, D., Pasqua, S., Pronzato, C. (2005) Employment and fertility in Italy, France and the UK, *Labour*, vol. 19, no. S1, pp. 51—77.
- Hoem, B. (1993) The compatibility of employment and childbearing in contemporary Sweden, *Acta Sociologica*, vol. 36, iss. 2, pp. 101—120.

- Hofferth, S., Reid, L., Mott, F. (2001) The effects of early childbearing on schooling over time, *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, vol. 33, iss. 6, pp. 39—46.
- Ivanova, E. I. (2010) Rozhdaemost' v sovremennoï Rossii: ozhidaemyi pod'em ili kon'iunkturnyi sdvig? [Fertility in modern Russia: the expected recovery or a conjuncture shift?], *Nauchnye trudy Instituta narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 8, pp. 610—626.
- Kalabikhina, I. E. (2015) Demograficheskaia volna rozhdenii i budushchie kolebaniia chislennosti naseleniia v raznykh vozrastnykh gruppakh: vyzovy dlia sotsial'noi politiki [Demographic wave of births and future fluctuations in the population in different age groups: challenges for social policy], *Èkonomicheskie strategii*, no. 2, pp. 50—57.
- Köppen, K. (2006) Second births in western Germany and France, *Demographic Research*, vol. 14, pp. 295—330.
- Koytcheva, E. (2006) *Socio-Demographic Differences of Fertility and Union Formation in Bulgaria before and after the Start of the Societal Transition*, Rostock: University of Rostock.
- Kravdal, Ø. (1992) The emergence of a positive relationship between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States, *Population Studies*, vol. 46, no. 3, pp. 459—475.
- Moore, A., Wertheimer, R. (1984) Teenage Childbearing and welfare: preventive and ameliorative strategies, *Family Planning Perspectives*, vol. 16, no. 1, pp. 13—26.
- Mosakova, E. A. (2008) Zaniatost' zhenshchin i rozhdaemost' v sovremennoï Rossii [Employment of women and fertility in modern Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, Èkonomika, no. 5, pp. 3—20.
- Muresan, C. (2007) *Educational Attainment and Second Births in Romania*, Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Oláh, L. Sz. (1996) The impact of public policies on the second-birth rates in Sweden: a gender perspective, *Stockholm Research Reports in Demography*, vol. 15, pp. 96—112.
- Oláh, L. Sz. (2003) Gendering fertility: second births in Sweden and Hungary, *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no. 2, pp. 171—200.
- Perelli-Harris, B. (2008) Family formation in post-Soviet Ukraine: Changing effects of education in a period of rapid social change, *Social Forces*, vol. 87, no. 2, pp. 1—28.
- Shearer, S. (2002) Childbearing and low cognitive ability, *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, vol. 34, iss. 5, pp. 236—243.
- Slonimczyk, F., Yurko, A. (2014) Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia, *Labour Economics*, vol. 30, pp. 265—281.

Статья поступила 19.12.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смулянская Нелли Станиславовна — аспирантка кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, nsmulya@mail.ru (Post-graduate student at the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).